На правах рукописи

Шульгина Ольга Михайловна

ЧУКОТСКО-ЭСКИМОССКОЕ КОСТОРЕЗНОЕ ИСКУССТВО КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ, ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Специальность 5.10.3. Виды искусства

(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата искусствоведения

Москва

2025

Диссертация выполнена на кафедре истории русского искусства ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель: доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой истории русского искусства, и.о. заведующего кафедрой истории западноевропейского искусства ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Ходаковский Евгений Валентинович

Официальные оппоненты: доктор культурологии, заведующая отделом этнографии Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы ФГБУК «Российский этнографический музей», Заслуженный деятель науки РФ

Калашникова Наталья Моисеевна

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, хранитель фондов «Живопись», «Графика», «Скульптура», «ДПИ» ГБУК «Государственный Дарвиновский музей»

Нефедова Антонина Борисовна

Ведущая организация: ФГБУК «Государственный музей искусства народов Востока»

Защита состоится «……» _____ 2026 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета 24.2.440.01 на базе Российского государственного художественно-промышленного университета им. С. Г. Строганова. по адресу: 125080, г. Москва, Волоколамское ш. 9.

С диссертацией можно ознакомиться на официальном сайте https://академия-строганова.рф а также в научной библиотеке РГХПУ им. С. Г. Строганова по адресу: 125080, Москва, Волоколамское ш., 9.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор искусствоведения А.В. Трощинская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения процесса становления, развития и трансформации чукотско-эскимосского косторезного искусства конца XIX — первой половины XX в. и восполнения лакун в области истории декоративно-прикладного искусства коренных народов Крайнего Севера.

Адекватное понимание логики формирования чукотско-эскимосского косторезного искусства, а также механизмов выработки его эстетических принципов и иконографии возможно только с учетом исторического контекста, что объясняется активными внедрением нового для Чукотки советского образа жизни с начала 1920-х гг., привлечением в наиболее отдаленные и труднодоступные районы квалифицированных специалистов, среди которых были и профессиональные художники. Эти факторы оказали заметное влияние на вектор развития уникальной художественной культуры коренных народов Арктики — чукчей и эскимосов, которая с одной стороны, следовала старым традициям, с другой — активно заимствовала, приспосабливала и включала европейские художественные приемы того времени. В последнее время в контексте поисков представителями народов России своей идентичности, формирования уникального визуального образа регионов, проявляется повышенное внимание к их декоративно-прикладному искусству, что лишь подчеркивает важность обращения к изучению истоков формирования уже ставшей традиционной художественной культуры резьбы по кости на Чукотке.

Состояние и степень научной разработанности темы. Круг исследований, затрагивающих чукотско-эскимосское косторезное искусство, достаточно широк. Вместе с тем, в большей части работ художественный косторезный промысел рассматривается лишь косвенно, а вопрос о предпосылках становления чукотско-эскимосского косторезного искусства и история первых этапов развития косторезного промысла Чукотки в искусствоведческом ключе остаются не проработанными.

В диссертации обозначенная тема раскрывается на широком историческом фоне — с конца XIX до первой половины XX в., т. е. фактически от появления первых художественных косторезных изделий чукчей и эскимосов до рассмотрения состояния чукотско-эскимосского косторезного искусства середины XX в., показывая функциональные и качественные изменения, которые претерпевало искусство обработки моржовой кости на Чукотке в этом промежутке времени. Соответственно, теоретический фундамент представленной диссертации составляет круг публикаций, которые освещают различные аспекты исследуемой области искусства. Прежде всего, к ним относятся исследования этнографии Чукотки, содержащие наблюдения о материальной и духовной

культуре чукчей и эскимосов в тесной связи с событиями исторического порядка; научные труды по развитию народного искусства в целом, и специальные работы, посвященные чукотско-эскимосскому косторезному искусству. Рассмотрение всех вышеперечисленных направлений, которые ранее освещались в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей, необходимо для формулировки аргументированных выводов диссертационного исследования.

В отечественной науке интерес к традиционному искусству чукчей и эскимосов как части материальной и духовной культуры народов Чукотского полуострова возник на рубеже XIX—XX вв. и непосредственно связан с выходом фундаментальных трудов В. Г. Богораза (Тана), «отца» чукчеведения. Исследование вопросов истории и историко-культурных связей чукчей расширяется и приобретает более глубокий характер лишь в послевоенные годы в работах И. С. Вдовина, И. С. Гурвича. Внимание к древнему чукотско-эскимосскому косторезному искусству отражено в исследованиях С. А. Арутюнова, Д. А. Сергеева, Н. Н. Дикова, С. В. Глинского.

Археологические материалы как источник историко-этнографических данных в своих работах привлекали С. И. Руденко, А. П. Окладников, М. М. Бронштейн, Е. С. Сухорукова, А. А. Орехов, О. В. Яншина, Н. А. Алексашенко, К. А. Днепровский. Вместе с тем несмотря на то, что археологи и этнографы довольно близко подходили к искусствоведческому пониманию и осмыслению имеющихся материалов — к художественно-эстетическому восприятию костяных изделий, их образным характеристикам и эмоциональной оценке, — изучение истории развития чукотского косторезного промысла как феномена искусства носит лишь выборочный характер.

Основательно проработаны отдельные сюжеты традиционного искусства народов Крайнего Севера в трудах С. В. Иванова, в которых он разбирает орнаментальные мотивы, классифицирует элементы орнаментальных композиций, группируя их по народам Крайнего Севера (чукчи, эскимосы, ительмены, юкагиры, эвенки, эвены, долганы). Особое внимание ученый уделил материалам и техническому исполнению изделий народных мастеров. В результате своих исследований крупнейший советский этнограф выделил особую область художественной культуры, то есть ее особый тип — северо-восточный или чукотско-эскимосский. А. П. Окладников также обращался к традиционному искусству народов Камчатки и Чукотки. Однако, в отличие от С. В. Иванова, в центре внимания исследователя находился уже не орнамент, не отдельные мотивы, но предметы декоративного искусства в целом, их образная и эстетическая сущность.

Попытку классифицировать основные темы и сюжеты чукотско-эскимосского косторезного искусства из собрания МАЭ РАН предприняла В. В. Антропова. Этнограф не

ставила перед собой задачи показать иконографические источники тех или иных сюжетов или обозначить круг предпосылок для появления отдельных тем в косторезном искусстве чукчей и эскимосов, что придало ее исследованию описательный характер.

После установления советской власти, важным вопросом стало культурное строительство нового государства, что послужило катализатором к возрождению и развитию в т. ч. и народного искусства. Значимыми для понимания государственной политики в области развития народного искусства в 1920-1930-е гг. являются идеи В. И. Ленина, И. В. Сталина, А. В. Луначарского, сформулированные в их программных статьях. Для корректного понимания историко-культурного контекста и особенностей развития народного творчества, процессов, происходивших в сфере народного искусства, векторов его развития, а также специфики взаимодействия профессионалов и кустарей, в диссертационном исследовании привлекались работы Л. Г. Оршанского, К. Г. Богемской, Г. К. Вагнера, В. О. Савицкой, С. И. Масленицына, М. А. Некрасовой, И. Я. Богуславской. Среди трудов позднесоветского периода необходимо выделить исследования В. А. Гуляева, который останавливается на таких проблемах, как воздействие социально-экономических изменений, вызванных Великой Октябрьской революцией на искусство, в частности, на художественные промыслы, исследует процесс взаимодействия народных мастеров и профессиональных художников — представителей городского искусства.

Важным шагом в осмыслении значения народного искусства, выработке системы методов и принципов взаимодействия профессиональных художников с народными мастерами как европейской части России, так и Крайнего Севера в первой половине XX в., являются труды А. В. Бакушинского, В. М. Василенко, А. Л. Горбункова.

В 1960–1970-е гг. сотрудники Научно-исследовательского института художественной промышленности проводили исследования на территориях Крайнего Севера, в том числе в районах проживания эвенов, юкагиров, азиатских эскимосов, чукчей и коряков. Отдельные аспекты косторезного искусства Чукотки, в том числе фольклорные сюжеты чукотско-эскимосского искусства резной кости, рассматривали в своих работах Т. Б. Митлянская и И. Л. Карахан. Н. И. Каплан обращалась к проблемам художественного стиля, к вопросам эстетической ценности традиционного и современного искусства народов Крайнего Севера, исследуя чукотское искусство в общем контексте народного декоративно-прикладного искусства Крайнего Севера и Дальнего Востока, оставляя вне поля зрения ряд вопросов, связанных с этническими традициями и изучением взаимосвязи коренных жителей Севера с другими народами.

Важным направлением работы сотрудников НИИ художественной промышленности являлось исследование технологий обработки представителями коренных народов

традиционных материалов. Проблемами обработки и выделки кож и меха народов Крайнего Севера, в т. ч. чукчей и эскимосов, а также вопросами шитья занималась Л. И. Чубарова, Е. В. Робинсон. Необходимо отметить, что исследователи НИИХП фокусировались в основном на искусстве современного им этапа (1970—1980-х гг.) и работах мастеров, которых они знали лично, что, с одной стороны, являлось преимуществом, но, с другой стороны, история чукотско-эскимосского народного искусства не имела целостного освещения.

В 2010-е гг. этапы развития чукотско-эскимосского косторезного искусства с начала XX в. до начала 2000-х гг. рассматривают в своих публикациях Н. И. Вуквукай, С. Л. Чернышова. Попытку сравнить чукотскую и якутскую школы резьбы по кости предприняли якутские исследователи А. Е. Винокурова и А. Г. Петрова. Обзорные статьи на примерах музейных собраний чукотско-эскимосского косторезного искусства посвятили И. И. Романова, В. Ю. Швец-Шуст. И. В. Октябрьская опубликовала статью рассмотрению практике добычи кости как двигателю развития художественных промыслов на территории Севера России.

Чукотско-эскимосскому косторезному искусству посвящена работа В. Н. Колобова. Отдельного внимания заслуживает раздел монографии, посвященный характеристике материалов, используемых в резьбе, технике и технологии обработки скелетной кости морского зверя, кости и рога.

При написании диссертационного исследования важные сведения были почерпнуты из работ Н. А. Мусянковой, сфокусированных на рассмотрении творчества художников-самоучек, представителей коренных малочисленных народов, в контексте общего развития художественной культуры. Били исследованы труды автора, посвященные изучению деятельности Института народов Севера в Ленинграде, который рассматривается как положительный пример сотрудничества профессионалов и любителей, когда они учились друг у друга, свободно взаимодействовали на равных.

Нельзя обойти стороной и зарубежных, по большей части американских исследователей-североведов, которые в своих работах рассматривали искусство эскимосов, в том числе и азиатских. Одной из первых публикаций, посвященных искусству этого народа, стала статья американского этнографа Дж. А. Масона, в которой автор подчеркивает, что практика создания пиктографий на костях не была исконной для эскимосского искусства до появления первых контактов с русскими. В фокусе исследования А. Хайнриха находится косторезная индустрия диомидских эскимосов, а именно переход от традиционной резьбы к обработке кости ради извлечения материальной выгоды. Ш. Камманн в своей работе рассуждает о древности и косторезного промысла

эскимосов, рассматривая его в контексте мирового масштаба — привлекая для сравнения артефакты культуры викингов, японских, китайских, сибирских и азиатских предметов. Вместе с тем автор упускает из виду причины и природу трансформации искусства эскимосов, которое оно претерпело на протяжении веков. Заслуживает внимания концептуальный труд Н. Граберна. В своей работе автор охватывает народное искусство неиндустриальных обществ, где традиционный уклад жизни исчезает, а его артефакты становятся предметами коллекционирования, выделяет различные типы искусства в зависимости от способа и целей создания художественных предметов. Следует также отметить работы и публикации Д. Ж. Рэй, которая на протяжении полувека исследовала искусство аляскинских эскимосов. Работы Рэй носят энциклопедический характер и охватывают искусство эскимосов как в исторической перспективе, так и во второй половине XX в.

Таким образом, история становления чукотско-эскимосского косторезного искусства и специфика работы косторезных мастерских Чукотки первой четверти XX века все еще не проработаны ни в отечественном, ни в зарубежном искусствоведении. Наличие лакун в этой области декоративно-прикладного искусства свидетельствует о необходимости и актуальности проведения комплексного исследования в обсуждаемую тему.

База источников диссертационного исследования опирается на широкий круг архивных материалов из таких отечественных архивов как Государственный архив РФ (ГАРФ), Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН), Научный архив Музея антропологии и этнографии РАН (АМАЭ РАН), Архив Всероссийского музея декоративного искусства (АВМДИ), Центральный архив Министерства внутренних дел РФ (ЦА МВД), Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО), документы Уэленского музея косторезного искусства и др.

Отдельный круг источников представляют сведения путешественников, которые содержат ценные описания и наблюдения о быте и культуре чукчей и эскимосов; официальные материалы исследователей, которые, нередко при участии местных отделов РГО, изучали хозяйственную, промысловую, культурную жизнь аборигенов Чукотки, уделяли внимание вопросам быта, культуры, общественных отношений. Хотя эти источники не касаются непосредственно становления чукотско-эскимосского косторезного искусства, тем не менее они несут большую ценность для понимания истоков искусства коренных народов Чукотки, позволяют выделить круг древних иконографических источников, а также составить верное представление о состоянии косторезного промысла

чукчей и эскимосов к моменту освоения Чукотского полуострова первопроходцами из европейского и американского континентов.

В качестве источников при работе над исследованием привлекались косторезные изделия и фотоматериалы, хранящиеся в государственных музеях Российской Федерации. К ним относятся Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Всероссийский музей декоративного искусства, Государственный музей искусства народов Востока, Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник, Российский этнографический музей, Иркутский краеведческий музей, Красноярский краевой краеведческий музей, Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, Дальневосточный художественный музей, Музей истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, Магаданский областной краеведческий музей, Музейный центр «Наследие Чукотки», Музей Уэленской косторезной мастерской им. М. Вуквола, Краеведческий музей с. Лаврентия. Доступ к отдельным изображениям предметов, находящихся в фондах отечественных музеев, осуществлялся через портал Министерства культуры Российской Федерации «goskatalog.ru».

Среди использованных в диссертационном исследовании источников стоит выделить издания, содержащие изображения чукотских и эскимосских художественных изделий из кости, а также сведения описательного характера. Прежде всего, сюда относятся следующие каталоги и издания: «Каталог Всесоюзной выставки народного самодеятельного изобразительного искусства», «Рисунки Онно (к мифологии чукчей)» И. П. Лаврова, «Современная чукотская и эскимосская резная кость» В. В. Антроповой, «Современная чукотско-эскимосская резная кость» Л. Е. Тимашевой, «Чукотское и эскимосское искусство: из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника» А. К. Клитиной и Е. Н. Ефимовой, «Arktisia kuvia: alkeellisia taideteoksia koillisesta Siperiasta» С. Пяльси, «The Etholén collection. The ethnographic Alaska collection of Adolf Etholén and his contemporaries in the National Museum of Finland» П. Варйолы, «Резная кость Уэлена. Народное искусство Чукотки» М. М. Бронштейна, И. Л. Карахан и Ю. А. Широкова, «Искусство Чукотки» А. К. Фисининой, «Тундра и море: чукотско-эскимосская резьба по кости» В. А. Тишкова.

Важным источником при подготовке диссертационного исследования стали полевые материалы (ПМА), собранные автором в 5 экспедициях на Чукотский полуостров в 2023—2025 гг., которые включают материалы из личных архивов косторезов и граверов и их родственников, а также интервью, проведенные как с действующими, так и вышедшими на пенсию мастерами Уэленской и Лоринской косторезных мастерских и представителями

Администрации этих сел, мастерами Чукотского многопрофильного колледжа (г. Анадырь).

Цель диссертации состоит в освещении особенностей процесса становления и развития чукотско-эскимосского косторезного искусства, выявлении его художественных особенностей конца XIX — первой половины XX в. в широком историко-культурном контексте.

Поставленная цель диссертационного исследования обусловила круг **задач**:

— охарактеризовать историко-культурный контекст на Чукотке конца XIX — первой половины XX в., выделив факторы, оказавшие влияние на становление и развитие чукотско-эскимосского косторезного искусства в указанный период времени;

— выявить архивные источники и документы, позволяющие изучить историю становления и развития чукотско-эскимосского косторезного искусства конца XIX — первой половины XX в.;

— выявить круг государственных институций, способствовавших становлению косторезного промысла Чукотки первой половины XX в., определить их вклад в развитие декоративно-прикладного искусства народов Чукотки;

— изучить влияние профессиональных художников на развитие чукотско-эскимосского косторезного промысла начала — первой половины XX в., охарактеризовать методы и принципы организации работы профессионалов с коренными мастерами чукотских художественных мастерских в указанный период времени;

— обозначить основные векторы и перспективы развития чукотско-эскимосского косторезного искусства начала — середины XX в.

Объектом исследования являются резные и гравированные изделия чукчей и эскимосов конца XIX — первой половины XX в., а также подготовительные рисунки, выполненные мастерами в чукотских косторезных мастерских.

Предметом исследования являются особенности становления и развития чукотско-эскимосского косторезного искусства, а также иконографические источники и художественное своеобразие костяных изделий чукчей и эскимосов конца XIX — первой половины XX в.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают конец XIX — середину XX в. Нижняя граница обусловлена изменением функций косторезного промысла чукчей и эскимосов и появлением резных и украшенных гравировками изделий для продажи. Верхняя граница исследования связана с организацией государственных косторезных мастерских, определением круга сюжетов, методов и принципов работы

косторезов, выработкой круга ассортимента изделий, изготавливаемых в чукотских художественных мастерских.

Географические границы определяются районом распространения чукотско-эскимосского косторезного искусства рассматриваемого периода. Соответственно, рассматривается художественное наследие мастеров, проживавших на территории нынешнего Провиденского и Чукотского районов Чукотского автономного округа, а также мастеров островов Диомида и острова св. Лаврентия в Беринговом проливе.

Методология и методы исследования обусловлена содержанием заявленной темы, поставленной исследовательской целью и спецификой задач.

Представленная работа носит сложный и многомерный характер, что предопределило необходимость комплексного, междисциплинарного подхода исследования для достижения поставленной цели, и обусловило использование материалов из смежных наук, таких как этнография, археология, история, культурология, социология искусства.

В рамках поставленных задач, одним из основных стал *историко-культурный метод*, позволивший очертить исторический контекст и определить сопутствующие культурные процессы, в контексте которых происходило зарождение и развитие чукотско-эскимосского косторезного искусства. *Формально-стилистический метод* как один из основных методов искусствоведческого анализа применялся при рассмотрении собственно косторезных изделий чукчей и эскимосов конца XIX — первой половины XX в. и подготовительных рисунков к ним. Использование этого метода с опорой на особенности композиции, перспективы, техники работы мастеров и колористические схемы, позволило определить характерные для того или иного этапа развития чукотско-эскимосского косторезного искусства художественные черты. Необходимость выявить круг источников художественной образности резных и гравированных изделий чукотских мастеров, имеющий историко-культурное значение, важность определения семантики и интерпретации сюжетов и тем, к которым прибегали чукотско-эскимосские косторезы, обусловили привлечение *иконологического метода*. *Иконографический метод* в сочетании со *сравнительно-аналитическим и типологическим методом* были использованы для сопоставления изделий чукотских мастеров на разных этапах, определения характерных черт «художественного почерка» мастеров и особенностей трансформации чукотско-эскимосского косторезного искусства на протяжении нескольких десятилетий с конца XIX до середины XX в., что дало возможность выявить тенденции развития косторезного искусства Чукотки. Для максимально полного и глубокого раскрытия темы, привлекался *историко-биографический метод*, с помощью которого удалось определить роль

конкретных личностей — этнографов, партийных работников, художников, — в процессе становления и развития косторезного дела на Чукотке; полевые *методы интервью и включенного наблюдения* дали ценнейшую возможность оценить вклад и значение работы, проделанной первыми художественными руководителями с чукотскими мастерами в начале XX в.

Подобный подход представляется наиболее плодотворным и оправданным в исследовании явлений декоративно-прикладного искусства. Соединение перечисленных методов и привлечение материалов из смежных наук, обеспечивает достоверность результатов диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что:

— впервые в отечественной и зарубежной науке осуществлено комплексное исследование исторических процессов зарождения, становления и развития чукотско-эскимосского косторезного искусства конца XIX — первой половины XX в.;

— осмыслена роль государственных институций в процессе становления и развития декоративно-прикладного искусства народов Чукотки первой половины XX в.;

— в рамках исследования предпринята попытка раскрыть сущность взаимодействия профессиональных художников с коренными мастерами-косторезами в раннее советское время, а также их роль в процессе становления и векторе развития косторезного искусства Чукотки в XX в.;

— введен в научный оборот обширный пласт архивных материалов, в том числе записи первого руководителя чукотских художественных мастерских А. Л. Горбункова, фотографии косторезных изделий первой трети XX в. и подготовительные рисунки, выполненные первым поколением чукотских косторезов.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении границ научного исследования отечественного декоративно-прикладного искусства в области формирования комплексного представления об истории чукотско-эскимосского косторезного искусства конца XIX — первой половины XX в., которое представлено в виде подробного логического описания этапов становления и развития косторезного дела на Чукотке и определения методов работы мастеров, трансформации художественно-стилевых черт, разнообразия тем и сюжетов художественных предметов на протяжении нескольких десятилетий с конца XIX до середины XX в. Исследование показало актуальность междисциплинарных теоретико-методологических принципов и использования источников из смежных областей наук, в частности истории и этнографии, для искусствоведческих исследований в области декоративно-прикладного искусства.

Практическая значимость исследования имеет научный, музейный и педагогический аспекты. Полученные в результате исследования результаты могут быть использованы в музейной работе в процессе атрибуции предметов или при ее уточнении. Основные положения исследования могут служить научно-методической базой при составлении учебных пособий и справочников по истории декоративно-прикладного искусства народов Крайнего Севера. Отдельные материалы диссертации могут быть использованы при подготовке лекционных циклов, в в. ч. при разработке тематических курсов для студентов колледжей и техникумов Чукотки, мастеров чукотских косторезных мастерских, для организации и научного сопровождения тематических выставок, экскурсионных маршрутов по залам музеев, где в экспозиции представлены произведения чукотских косторезов.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Активная торговля, китобойный промысел и проведение горноразведывательных работ на территории Чукотки на рубеже XIX—XX вв. стимулировали приток европейцев и американцев на Чукотский полуостров, вкусы и запросы которых коренным образом повиляли на изменения материальной и духовной жизни коренных жителей, спровоцировали изменения функций косторезного промысла чукчей и эскимосов.
2. Первые сведения о чукотско-эскимосском косторезном промысле задокументировали отечественные и зарубежные этнографы, которые рассматривали изделия из кости как часть материальной культуры народов Крайнего Севера.
3. Осмысленное изучение косторезного искусства и попытки наладить косторезный промысел на Чукотке в начале XX в. тесно связаны с деятельностью Комиссии по изучению рынков кустарных изделий народностей Крайнего Севера, организовывавшей экспедиции на Чукотку, целью которых был сбор этнографических и художественных изделий, исследование состояния художественных промыслов и разработка стратегии их развития в будущем.
4. Появление в 1920-х гг. первых косторезных мастерских не являлось спонтанным явлением, а было неотъемлемой частью тщательного планирования государственных организаций на всех уровнях в русле общекультурных трансформаций. Ключевую роль в становлении и развитии чукотско-эскимосского косторезного искусства сыграло образование культбаз (с 1928 г.) в береговых селах Чукотского и Провиденского районов Чукотского полуострова.
5. Ведущую роль в оформлении постоянных мастерских по художественной обработке кости на территории Чукотки сыграл А. Л. Горбунков — первый профессиональный художник и руководитель косторезных мастерских (1933—1935 гг.). Отсутствие

профессионального образования у местных чукотских косторезов и граверов восполнялось их занятиями по изобразительному искусству с А. Л. Горбунковым, который работал по специально разработанной программе и методике с наиболее талантливыми учениками. Система работы мастерских под руководством профессионального художника А. Л. Горбункова, несмотря на его непродолжительное пребывание на Чукотке, оказалась наиболее эффективной и продуктивной для развития чукотско-эскимосского косторезного искусства.

Апробация и внедрение результатов исследования.

Основные результаты работы отражены в 11 публикациях, 5 из которых размещены в изданиях по шифру 5.10.3. — Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура; кино-, теле и другие экранные искусства) (искусствоведение), входящих в перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК, индексируемых в Scopus, а также WoS. Кроме того, по теме диссертационного исследования было опубликовано 5 статей, размещенных в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК и индексируемых в Scopus по шифру смежных наук (по шифру 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.4. — Этнография, этнология и антропология (исторические науки)). Также отдельные положения диссертации нашли отражение в авторской монографии.

Отдельные положения диссертационного исследования были изложены в апреле 2024 г. во время проведения лекций в Чукотском филиале ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (г. Анадырь) в рамках программы профессиональной переподготовки «Экскурсовод (гид)», а также в ряде докладов на научных конференциях, в том числе на V Всероссийской конференции молодых ученых «Современные исследовательские подходы в науках об искусстве и культуре» (22—23 октября 2021, г. Москва, РГГУ), V студенческой конференции по истории искусства (3—4 марта 2022, г. Москва, МГУ), X Международной научной конференций «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (4—6 октября 2022, г. Москва, МГУ), Международной конференции XII Сибирские чтения «Ресурсы Арктики и Сибири: техники, технологии» (24—26 октября 2022, г. СПб, Кунсткамера), Научно-практической конференции «Искусство и традиции народов России к 85-летию отдела народного искусства Русского музея» (31 октября — 2 ноября 2022, г. СПб, Государственный Русский музей), Ежегодной научной конференции МАЭ РАН «Радловские чтения – 2023» (30—31 января 2023, г. СПб, МАЭ РАН), IX Международной научной конференции «География искусства» (25—17 мая 2023, г. Москва, РАХ и ИНИОН РАН), 7-ом Международном

Арктическом саммите «Арктика: перспективы, инновации и развитие регионов» (31 мая — 2 июня 2023, г. Санкт-Петербург, Москва), XI научно-практической конференции «Полярные чтения – 2023. Арктика и Антарктика: история и антропология повседневности» (1—3 ноября 2023, г. Санкт-Петербург, ААНИИ), Ежегодной научной конференции МАЭ РАН «Радловские чтения – 2024 (СПб, МАЭ РАН, 29 января — 6 февраля 2024), Научно-практической конференции «Кытмановские чтения – 2024» (16—18 мая 2024, г. Енисейск, Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А. И. Кытманова), 8-ом Международном Арктическом Саммите «Арктика: перспективы, инновации и развитие регионов» (22—24 мая 2024, г. СПб, Москва), Круглом столе «Петри: память и наследие» (24 сентября 2024, г. Иркутск, Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского), Международной научной конференции «Наука о народах: история, теория, методология. К 125-летию со дня рождения С. А. Токарева» (15–17 октября 2024, г. Москва, ИЭА РАН), Конгрессе Всемирного союза антропологов и этнологов (11—15 ноября 2024, г. Йоханнесбурге (ЮАР)), Ежегодной научной конференции МАЭ РАН «Радловские чтения – 2025» (СПб, МАЭ РАН, 27 января — 4 февраля 2025), «Молодежные чтения – 2025» (СПб, МАЭ РАН, 19—20 мая 2025).

Структура и объем диссертации обусловлены целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, поделенных на разделы, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы и иллюстрированного приложения. Текст диссертации изложен на 177 страницах, библиография насчитывает 272 наименования на русском, английском, немецком, финском и французском языках. Иллюстрированное приложение состоит из 125 изображений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обозначены актуальность и направленность диссертационного исследования, определены состояние и степень научной разработанности проблемы, сформулированы цель, задачи, объект, предмет, хронологические и географические границы исследования, очерчен круг методологических основ, обоснована научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведена апробация результатов исследования.

В **первой главе «Чукотский косторезный промысел рубежа XIX—XX вв.»** выявляются характерные черты чукотского искусства резьбы по кости до Великой Октябрьской революции. Рассматриваются возможные причины изменения функций чукотско-эскимосского косторезного промысла в указанных период времени.

В параграфе ***1.1. «Начальный период чукотского косторезного промысла»*** проанализированы первые письменные источники — челобитные, отчеты служилых, документы ясачного сбора, указы местных властей, донесения якутских воевод, наказы посылаемым в экспедиции первооткрывателям, записки и отчеты, составленные первыми путешественниками, купцами и торговцами на Чукотском полуострове. Эти свидетельства датируются второй половиной XVII — концом XVIII в. и дают нам информацию об укладе жизни и материальной культуре коренного населения Чукотки. Обращение к столь ранним источникам обусловлено необходимостью наглядно показать и объективно оценить трансформацию промысла обработки моржового клыка на рубеже XIX—XX вв., что является возможным лишь при использовании компаративного анализа сведений о чукотской резной кости, которые относятся к концу XIX — началу XX в. с документами более ранней эпохи.

М. В. Стадухин в своих записях (сер. XVII в.) подчеркивал отношение к моржу, прежде всего, как к сакральному объекту, описав праздник моржовых голов. С. П. Крашенинников и Г. А. Сарычев в своих трудах (сер. — кон. XVIII в.) отмечали способности чукчей искусно вырезать каменными инструментами цепи из моржового клыка, а также их умение использовать моржовые клыки для разнообразных хозяйственных нужд и изготовления «разных мелочей». Об утилитарном и культовом характере использования моржового клыка в своем труде в конце XIX в. писал шведский путешественник А. Э. Норденшёльд. Американский путешественник Г. Л. Алдрич в своих мемуарах упоминал, что в конце XIX в. моржовые клыки являлись предметом торговли наряду с песцовыми шкурками, меховыми чижами и камлейками.

Таким образом вплоть до конца XIX в. не обнаруживается документально подтвержденных свидетельств об изготовлении резных или гравированных костяных изделия для продажи русским или иностранным путешественникам и промышленникам. По известиям от первопроходцев и путешественников местные жители воплощали свое художественное видение в предметах ежедневного домашнего обихода и объектах культа. Изготовление каких-либо художественных изделий для продажи русским, американцам или европейцам до конца XIX в. чукчи и эскимосы не практиковали.

В параграфе ***1.2. «Экспедиция 1917—1919 гг. Сакари Пяльси на Крайний Северо-Восток»*** рассмотрены цели и основные результаты экспедиции финского археолога и этнографа в Восточную Сибирь к берегам Ледовитого океана и Берингова моря. Наибольшую ценность в свете диссертационного исследования представляют образцы художественного творчества народов Чукотки и Камчатки. Пяльси не был первым в работе такого рода — в 1899—1900 гг. В. Г. Богораз также собрал коллекцию рисунков чукчей,

коряков и азиатских эскимосов, но для него они представляли скорее не художественный, а этнографический интерес: коренное население делало для ученого иллюстрации для объяснения значения некоторых сказок, обрядов, легенд. С. Пяльси подходил к сбору материала несколько иначе — он побуждал местных жителей рисовать именно то, что они сами хотели. Так, чукчи и эскимосы запечатлевали на своих рисунках только значимые для их жизни моменты: сцены охоты на различных зверей, танцы, а также сцены, связанные с обрядами жизненного цикла. Финский исследователь отмечал, что чукотские мастера выполняли рисунки по памяти. В рисунках, собранных С. Пяльси, совершенно отсутствуют мелкие детали и перспектива. Вместе с тем ученый отмечал, что художники в процессе рисования поясняли и комментировали ему, что именно они изображали, дополняя и компенсируя тем самым отсутствие отдельных деталей. Таким образом, согласно теории М. С. Кагана, до приезда профессиональных художников на Чукотский полуостров, искусство чукчей и эскимосов находилось на начальном этапе развития в той стадии, когда еще не начали выкристаллизовываться его отдельные формы, о чем свидетельствовал тот факт, что чукчи и эскимосы использовали все доступные им способы объективации действительности. С. Пяльси отмечал, что чукчи и эскимосы были охотниками и занимались косторезным промыслом только в свободное от охоты время в своих ярангах, не собираясь в группы, однако дежнёвские мастера такие как, например, Рошилин, Карляйрыгин и Хейтуги понимали, что работа с костью может приносить материальную выгоду и изготавливали клыки с гравировками на продажу по заказу приезжих.

Таким образом, до начала XX столетия, произведения традиционного искусства, входили в категорию «примитива» и в большей степени интересовали именно этнографов, но не искусствоведов. Необходимо отметить, что активные контакты и торговля с русскими и американскими купцами, китобоями и золотопромышленниками стимулировали изготовление резных и гравированных костяных «диковинок» для получения чукотскими мастерами дополнительного заработка.

Во **второй главе «Взаимодействие косторезов Чукотки и государственных институций в 1920-е гг.»** рассмотрены теоретические и практические шаги, предпринимаемые представителями государственных организаций для развития и поддержания традиционных промыслов народов Крайнего Севера.

В параграфе ***2.1. «Теоретические разработки Комиссии по изучению рынков кустарных изделий народностей Крайнего Севера»***, ввиду возможных различий в трактовке некоторых терминов, которые употребляются в диссертационном исследовании, дано определение таких понятий как народное искусство, народный мастер, крестьянское

искусство. Далее в параграфе раскрываются этапы развития народных промыслов и на Дальнем Востоке и Крайнем Севере.

Идея культурной интеграции народов Крайнего Севера с сохранением их самобытного уклада впервые прозвучала в марте 1921 г. на X съезде партии РКП(б). Первым шагом на пути к признанию народного художественного творчества в масштабах Советского государства стало открытие в 1923 г. Всероссийской культурно-промышленной выставки, которая побудила специалистов начать дискуссию о налаживании косторезного промысла на Чукотском полуострове. Следующим этапом на пути становления косторезного искусства чукчей и эскимосов стало создание в 1924 г. специального Комитета по содействию народностей Северных окраин. В контексте диссертационного исследования важным является тот факт, что начали организовываться районные культурные базы (культбазы), которые должны были стать очагами политической и культурной жизни районов. Первая такая культбаза на территории Чукотского полуострова была открыта в 1928 г. в заливе Лаврентия.

Решающую роль на пути к признанию и становлению косторезного искусства Чукотки, стало формирование в мае 1926 г. Комиссии по изучению рынков кустарных изделий народностей Крайнего Севера. Первоочередной задачей Комиссии было практическое изучение внутреннего и внешнего рынков сбыта изделий туземцев Крайнего Севера. Для выполнения этой задачи Комиссия предпринимала самые разнообразные меры: собирала материалы, характеризующие современные изделия кустарей, приспосабливала традиционные изделия к массовому производству и сбыту, выясняла спрос на изделия среди внешних и внутренних торговых организаций, утверждала качество производственных стандартов одобренных Комитетом образцов, оказывала содействие в организации и проведении выставок изделий народов Арктики, подготавливала материалы для освещения нужд кустарных промыслов Крайнего Севера в печати. Кроме того, членами Комиссии была разработана анкета, которую научным сотрудникам настоятельно рекомендовалось заполнять при сборе образцов. Знание всех этих нюансов было необходимо для оказания содействия в развитии промыслов в дальнейшем, при создании новых типов изделий, приспособленных для европейского обихода, но исполненный в технике северян, и декорированный привычными для них материалами.

Параграф ***2.2. «Практическая деятельность специалистов на территории Чукотского полуострова»*** посвящен анализу результатов экспедиции К. Я. Лукса на Восточном Побережье Камчатского Округа в июне–августе 1927 г., инициированной Комитетом содействия народностям северных окраин. Вся коллекция, кроме образцов, отправленных в Москву на Всесоюзную выставку, была передана Хабаровскому краевому

музею, за исключением предметов, отобранных В. Г. Богоразом. Хотя мы не располагаем какими-либо иллюстративными или фотоматериалами из этой экспедиции, в контексте вопроса о становлении косторезного искусства уже сами их названия позволяют судить об ассортименте и о расположении промысловых центров на карте Чукотки.

Список Лукса включал 140 номеров, ряд из которых имел прямое отношение к косторезному промыслу: трость, наконечник гарпуна бусы, шахматы, шпильки, ножи, пеликены, мундштуки, чернильные приборы, подставки для карандашей, шхуна, гравированные сколки клыков. Часть предметов из моржового клыка носила сугубо утилитарный характер и являлась подражанием предметам, которые привозили русские и американские торговцы и промысловики с поправкой на привычный для чукчей и экимосов материал — моржовый клык. Следует подчеркнуть, что мастера выполняли гравировки не из целых моржовых клыков, которые потенциально могли быть использованы для других изделий, но из тех кусочков, которые фактически оставались невостребованными, и, «разрисовывались» в качестве развлечения мастеров. Такие клыки мастера гравировали по заказу конкретных лиц, а те в свою очередь указывали, что именно желали увидеть на изделии.

После образования Комиссии, разработки ее положения и анкеты командировки специалистов в области кустарных художественных промыслов становятся регулярными. До 1933 г. на чукотские культбазы выезжали ряд инструкторов: В. Н. Морозов (1928—1930), Венедиктов (1930), Шарков (1929—1932), Кривдун (1931—1932). Из отчетов и архивных материалов следует, что ни один из инструкторов не добился успехов ввиду комплекса различных причин: в районе было чрезвычайно мало кустарей по костизделиям, население предпочитало обучаться столярному мастерству и обработке металла, приезжие инструкторы отожествлялись местным населением с проводимой повсеместно политикой коллективизации. Осложняла ситуацию и проблема коммуникации между русским и коренным населением и отсутствие четкого плана работы. К 1932 г. на базе крупнейших чукотских колхозов того времени – чаплинского, сиреникского, науканского, дежнёвского и уэленского – были собраны сезонные бригады косторезов, общее число которых не превышало 75 человек.

Соответственно, временем начала становления художественного косторезного промысла на Чукотке оправдано можно считать 1926 г. — год образования Комиссии по изучению рынков кустарных изделий народностей Крайнего Севера, однако реализация идей, изложенных Комиссией, развитие художественного косторезного промысла, легла на плечи специалистов, командировавшихся на чукотские культбазы с конца 1920-х гг.

Третья глава «Становление художественного косторезного промысла на Чукотке в 1930-е гг.» посвящена всестороннему анализу деятельности первого профессионального художника и руководителя чукотских художественных мастерских А. Л. Горбункова, характеризуется его вклад в развитие чукотско-эскимосского косторезного искусства обозначенного периода и влияние на дальнейшую судьбу.

В параграфе ***3.1. «Деятельность А. Л. Горбункова и организация постоянных художественных мастерских на Чукотке»*** подробно реконструирована жизненная и творческая биография А. Л. Горбункова. Обращение к биографическому методу дало возможность определить происхождение, образование, педагогов, а также его научные интересы и круг теоретических трудов, на которые опирался А. Л. Горбунков. В этом параграфе дано подробное описание этапов подготовки А. Л. Горбункова к командировке на Чукотку, и хронология его передвижений по Чукотскому полуострову, описаны условия, в которых на практике пришлось столкнуться Горбункову, проанализирована высокая эффективность мер, предпринятых первым руководителем постоянных чукотских мастерских для налаживания художественного косторезного промысла.

Изучение архивных источников помогло выяснить причину умалчивания имени первого художественного руководителя мастерских — 15 июня 1948 г. А. Л. Горбунков был арестован и вскоре обвинен в том, что он «в кругу своих знакомых проводил антисоветскую агитацию, возводил злобную клевету на руководителей партии и Советского правительства и социалистический строй …, а также имел намерение изменить Родине — бежать в Америку». Впоследствии Горбунков был осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. После отбывания наказания вернуться в профессию ему так и не удалось, хотя известно, что он готовил к изданию монографию, посвященную чукотско-эскимосскому косторезному искусству.

В параграфе ***3.2. «Иконографические источники чукотского-эскимосского косторезного искусства в художественных мастерских А. Л. Горбункова»*** с опорой на корпус архивных материалов предпринимается попытка установить круг иконографических источников, которые привлекались художественным руководителем чукотских косторезных мастерских при организации работы с местными мастерами.

А. Л. Горбунков наметил проблему «далекого и близкого», заключавшаяся в том, что художественному руководителю следовало решить, на какие памятники опираться, и что считать «эталоном» при создании новых произведений в своих косторезных мастерских: археологические находки (далёкое) или «соседящие территориально и во времени» образцы (близкое). Горбунков видел решение в синтезе двух векторов развития искусства: с одной стороны, сохранялись традиционные материалы и принципы работы с моржовой костью, с

другой — изменение функций традиционного косторезного промысла, зависимость его дальнейшей жизни от экономической выгоды предприятия, не могли позволить руководителю мастерских игнорировать продиктованное временем социальное содержание.

Из записей А. Л. Горбункова следует, что к «далёким» иконографическим источникам чукотско-эскимосского косторезного искусства первой трети XX в. относятся: пикетаж Пегтымельских петроглифов; предметы, найденные в ходе археологических раскопок, которые были актуальными вплоть до конца XIX в.; рисунки, встречающиеся повсеместно на ритуальных предметах и бытовой утвари чукчей и эскимосов; рисунки на расписных выбеленных кожах тюленей. Это позволяет чётко определить фундамент, на который опирался А. Л. Горбунков при разработке ассортимента изделий чукотских косторезных мастерских, а также даёт возможность проанализировать художественную специфику изображений, выявить их традиционные сюжеты и мотивы, обозначить аутентичные и неизменные с течением времени черты этого древнего искусства.

Сложнее для художественного руководителя обстояла ситуация с поисками адекватных современных источников. Записи, оставленные А. Л. Горбунковым в дневниках, свидетельствуют о том, что он, так или иначе, оглядывался на творческое наследие современных ему художников.

Сопоставляя творчество чукотских мастеров с художественным наследием Г. Б. Якулова в обоих случаях обращает внимание заполнение поверхности, будь то холст или моржовый клык мелкими изображениями людей и животных, отказ от выписывания фигур «в строчку», применение техники цветовых пятен. Соприкосновение чукотского косторезного искусства с творчеством Г. Якулова читается и в решительном разрыве с глубиной пространства, то есть плоскостности работ.

А. Л. Горбунков сближал гравировки чукотских мастеров с муралами из серии «История Мексики. Мир сегодня и завтра» (1929) Д. Риверы. Как и Ривера, чукотские косторезы под руководством Горбункова были склонны идеализировать мир социализма, рисовать как бы беззаботный мир морских зверобоев и вести свое повествование, придавая ему при этом эпический, обобщенный характер. Ещё одной точкой соприкосновения чукотских косторезов с творчеством Д. Риверы является присущий им «пиктографический реализм». Это обозначает, что изображения нельзя было понять сразу, а за первым впечатлением, которое считывало декоративную выразительность гравировок, должен был следовать процесс многократного их рассмотрения, которое открывало новые темы.

В своих дневниковых записях Горбунков даёт отсылки и к творчеству французского художника А. Матисса, прежде всего, к панно «Парижский танец», выполненному в

технике «декупаж» в 1932—1933 гг. Этот метод А. Л. Горбунков активно применял в чукотских косторезных мастерских. Так, работа с аппликациями всегда предшествовала непосредственно сюжетной гравировке или работам по созданию мелкой пластики.

Явные отсылки к иллюстрациям А. Тулуз-Лотрека прочитываются в произведениях Рошилина, которые так же были выполнены под руководством А. Л. Горбункова. Речь идёт о гравировках, объединённых Горбунковым в группу под общим названием «Естественные истории». Хотя герои французского писателя и эскимосского костореза разнятся, суть оставалась та же. Горбунков стремился к тому, чтобы Рошилин, как и Тулуз-Лотрек, рассказал языком художественных образов о жизни хорошо знакомых ему с самого раннего детства животных, изобразил их такими, какие они есть в естественной среде.

Определенное воздействие на чукотский косторезный промысл оказало и творчество Г. Доре. Нередко мастера тренировались не просто иллюстрировать тексты, а записывать их «картинным письмом». Такой принцип работы не исключал коллективного творчества, даже напротив, побуждал резчиков к обсуждению истории, уточнению её подробностей. Самым замечательным примером такой работы А. Л. Горбунков считал иллюстрации к «Дон Кихоту» Сервантеса, выполненные Г. Доре. Именно на мастерство этого французского художника Горбунков ориентировался при работе с чукотскими косторезами.

Таким образом, проблема «далёкого» и «близкого», обозначенная в дневниковых записях А. Л. Горбункова, заключалась в выборе художественным руководителем круга иконографических источников в процессе разработки ассортимента изделий косторезных мастерских 1930-х гг. Горбунков стремился соединить традиционные и современные тенденции. Оставаясь в рамках традиций чукчей и эскимосов, не лишая местных мастеров привычных маркеров их идентичности, в мастерских Горбункова резали и гравировали косторезные изделия с близкими мастерам-зверобоям образами и сюжетами, черпая их из повседневной жизни и фольклора последних. Архивные материалы открывают ряд совершенно неожиданных страниц об истории становления и развития чукотско-эскимосского косторезного искусства первой трети XX в., доказывая, что многие сюжеты были заимствованы из современного А. Л. Горбункову отечественного и зарубежного искусства.

В параграфе ***3.3. «Принципы работы А. Л. Горбункова с местными мастерами-косторезами чукотских мастерских»*** дана характеристика основных методов работы, которые практиковал художественный руководитель в процессе взаимодействия с чукотско-эскимосскими мастерами.

После приезда на Чукотку, в декабре 1933 — январе 1934 гг. А. Л. Горбунковым были проведены так называемые «тесты А. В. Бакушинского», разработанные

специалистами НИИХП. Тесты позволили Горбункову в максимально сжатые сроки сделать срез художественных умений и навыков чукотско-эскимосских мастеров, выявить общие приемы, которыми пользовались последние, выработать систему творческих методов и принципов, которые должны были стать опорными точками при творческом взаимодействии с косторезами чукотских мастерских. Кроме того, Горбунков рассматривал тесты как один из самых эффективных способов для поиска талантливых учеников. Горбунков не случайно столько много внимания уделил «тестам Бакушинского» и их результатам. С точки зрения художественного руководителя «рисунок — основа основ». Об этом свидетельствует и то, что в косторезных мастерских под руководством Горбункова создание предварительного эскиза всегда предшествовало выполнению конкретной гравировки или любого другого косторезного изделия.

Методы работы и способы взаимодействия профессионального художника с народными мастерами были кратко описаны Горбунковым в дневниковых записях. В числе основных методов значатся метод картинного письма, метод наблюдения, метод ситуационных макетов, метод конструирования пространственных макетов по рассказу, метод перевода по подстрочнику, метод монтажа, метод аппликаций, метод ваяния и метод копий. Из архивных материалов следует, что одни методы сотворчества Горбункова с чукчами и эскимосами были более популярны, другие использовались ими менее охотно. Вместе с тем нередко использовался не отдельный метод, но практиковались несколько в разных комбинациях и различной последовательности. Кроме того, дневниковые записи, оставленные художественным руководителем, дают возможность рассмотреть механизмы его влияния на творчество народных мастеров.

Несмотря на то, что большая часть методов работы Горбункова с народными мастерами была ранее не знакома чукотским мастерам, он стремился изучить, сохранять и развивать существующие местные традиции. Поэтому до начала работы с чукотско-эскимосскими мастерами, художественный руководитель изучал особенности их творчества, внимательно рассмотрел все доступные ему образцы древнего чукотско-эскимосского искусства, активно привлекал близкие народным мастерам фольклорные мотивы.

В параграфе ***3.4. «А. Л. Горбунков и судьбы косторезного искусства Чукотки XX — начала XXI в.»*** на основе архивных материалов НИИ художественной промышленности и документов Уэленского музея косторезного искусства, а также при использовании полевых материалов автора предпринимается попытка проанализировать эффективность системы работы Горбункова с чукотскими мастерами, оценить его влияние на дальнейшее развитие чукотско-эскимосского косторезного дела. Рассмотрены принципы работы

чукотских косторезных мастерских под руководством В. М. Леонтьева (1945—1949), И. П. Лаврова (1955—1959), ряда специалистов из НИИХП с 1967 до 1990-х гг., а также в постсоветский период.

Совершенно очевидной представляется ключевая роль художественного руководителя в организации косторезного промысла, его роль в разработке новых сюжетов. Очевидно и то, что система работы, выработанная в 1930-е гг. первым художественным руководителем А. Л. Горбунковым, оказалась оптимальной и сегодня не утрачивает своей актуальности. К сожалению, квалифицированное руководство мастерскими, занимающимися чукотско-эскимосским косторезным искусством было эпизодичным. Оценивая сегодняшнее состояние косторезного промысла Чукотки, можно сказать без преувеличения, что отсутствие художественного контроля и нетребовательность неискушенного покупателя оказывает губительное воздействие на качество косторезных изделий, подталкивает мастеров к невдумчивой и небрежной работе. Творческое же общение с художниками-профессионалами, посещение художественных музеев, знание древнего и современного искусства благоприятно влияет на творчество чукотско-эскимосских мастеров.

В **Заключении** диссертационного исследования приводятся результаты работы в соответствии с логикой и методологией изучения процесса становления и развития чукотско-эскимосского косторезного искусства конца XIX – первой половины XX в.

Основные выводы диссертационного исследования:

1. Активное освоение русскими и иностранными торговцами, промышленниками и золотоискателями Чукотского полуострова спровоцировало глубинные изменения в материальной и духовной культуре коренного населения Чукотки на рубеже XIX — XX вв. Косторезные изделия, которые ранее носили чисто утилитарное назначение или культовый характер, стали утрачивать свои изначальные функции, постепенно становясь востребованным объектом купли—продажи между приезжими и коренным населением Чукотского полуострова.
2. Первыми состояние косторезного промысла чукчей и эскимосов и изменения, происходящие в этой сфере, фиксировали отечественные и зарубежные путешественники и этнографы, которые рассматривали обработку моржового клыка местными мастерами Чукотки как часть материальной культуры коренных народов.
3. Целенаправленное изучение чукотско-эскимосского косторезного промысла началось после образования советского государства и было непосредственно связано с его новой культурной политикой.

4. Ключевым для изучения и накопления материалов для последующего становления и развития косторезного искусства на Чукотке стало создание в марте 1926 г. Комиссии по изучению рынков кустарных изделий народностей Крайнего Севера, в число задач которой входил сбор материалов и образцов по современным кустарным изделиям, приспособление традиционных изделий к массовому производству, выяснение спроса на изделия, подготовка внутренних и внешних выставок и научных изданий.

5. Появление первых сезонных мастерских на Чукотке на рубеже 1920-х—1930-х гг. не было спонтанным явлением, но являлось частью глобальных общекультурных трансформаций. Значительным событием на пути становления и развития чукотско-эскимосского косторезного промысла стало образование в 1924 г. Комитета по содействию народностям Северных окраин, который стимулировал создание культбаз в самых труднодоступных районах Крайнего Севера. На Чукотском полуострове непосредственно при морзверобойных артелях культурных баз стали открываться первые сезонные бригады по обработке моржовой кости.

6. До 1933 г. попытки инструкторов культбаз наладить художественный косторезный промысел в мастерских не имели успеха по ряду причин. Главными из них были: ошибки советов на местах, недостаточная квалификация руководителей, отсутствие четкого плана развития промысла и связи с центром, невостребованность косторезного дела по сравнению со столярным промыслом или промыслом по обработке металла, языковой барьер между приезжими и местными жителями, незаинтересованность мастеров в работе в артелях и предпочтение чукчами и эскимосами работать «на себя» на дому, неумение первых инструкторов увлечь местных мастеров интересными занятиями и отсутствие у них методики работы с мастерами.

7. За время командировки на Чукотку в 1933—1935 гг. А. Л. Горбунковым был разработан оптимальный «торговый ассортимент» изделий, который включал разнообразнейшие резные и гравированные изделия. Повысилось и художественное качество косторезных изделий. Секрет заключался в том, что для восполнения отсутствия профессионального образования у местных косторезов руководитель мастерских проводил ежедневные занятия с наиболее искусными косторезами и граверами. Руководитель работал по специально разработанной программе, в которую были включены уроки, где А. Л. Горбунков объяснял чукотским косторезам законы геометрии и перспективы, обучал графике, основам стилевого анализа, помогал мастерам выполнять орнаментальные работы.

8. За время своей работы с чукчами и эскимосами, А. Л. Горбунков сумел найти и выработать наиболее комфортные и эффективные методы работы с местными мастерами,

которые способствовали развитию художественных умений косторезов, стимулировали их интерес к творческой работе. Кроме того, руководитель мастерских сумел выделить круг тем и сюжетов, которые увлекали мастеров и были ценны в художественном плане.

9. После приезда А. Л. Горбункова на Чукотку изменился статус косторезных мастерских — теперь это были не сезонные группы мастеров, но постоянные артели. Резчики и граверы были официально трудоустроены в косторезных мастерских и получали ежемесячную заработную плату, не завися больше от успехов в зверобойном промысле. Это повышало статус мастеров и имидж профессии костореза, способствуя притоку новых резчиков.

10. Система работы чукотских косторезных мастерских под руководством А. Л. Горбункова отлично себя зарекомендовала, а результаты трудов первого художественного руководителя чукотских косторезных мастерских актуальны и сегодня. Речь идет как о принципах и методах работы косторезов, которые практикуются в Уэленской косторезной мастерской, так и о круге сюжетов, непосредственно связанных с теми сюжетами и рисунками, которые создавались и разрабатывались в косторезных мастерских девять десятилетий назад.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования:

1. *Шульгина О.М.* А.Л. Горбунков и иконографические источники чукотско-эскимосского искусства резной кости первой трети XX века // Художественная культура. 2022. № 3. С. 184–219. DOI: 10.51678/2226-0072-2022-3-184-219 (ВАК)

2. *Шульгина О.М.* К вопросу о происхождении и распространении пеликенов на территории Чукотки // Культурное наследие России. 2022. № 4. С. 37–46. DOI 10.34685/HI.2022.38.3.006 (ВАК)

3. *Шульгина О. М.* «Французский акцент» чукотско-эскимосского косторезного искусства первой трети XX века // Вестник СПбГУ. Искусствоведение. 2024. № 4. С. 726—736. https://doi.org/10.21638/spbu15.2024.406 (ВАК, Scopus)

4. *Шульгина О.М.* «Хождение за четыре моря» А.Л. Горбункова: штрихи к портрету первого руководителя художественных мастерских Чукотки // Вестник славянских культур. 2024. № 4. С. 290—309. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-290-309 (ВАК, WoS)

5. *Шульгина О.М.* От кустарного промысла к искусству: об организации первых косторезных мастерских на Чукотке // Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (7). С. 1386–1396. EDN: WBNOTO (ВАК, Scopus)

6. *Шульгина О.М.* Метод копирования как основной принцип работы народных мастеров: из опыта работы А.Л. Горбункова с чукотскими косторезами // Искусство и традиции народов России: К 85-летию отдела народного искусства Русского музея. 2023 С. 246–252. (РИНЦ)

7. *Шульгина О.М.* Творческий метод А.Л. Горбункова: из опыта работы профессионального художника с чукотско-эскимосскими косторезами первой трети XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3 (61). С. 35–52. DOI: https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-3/35-52 (ВАК)

8. *Шульгина О.М.* Эскизы и наброски А.Л. Горбункова как объект визуальной антропологии (на основе коллекции Центрального государственного музея кино) // Кунсткамера. 2023. № 1 (19). С. 87–102. DOI 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-87-102 (ВАК, Scopus)

9. *Шульгина О.М.* Новая жизнь Советской Чукотки в чукотско-эскимосском косторезном искусстве // Этнография. 2024. № 2. С. 138—161. DOI 10.31250/2618 -8600 -2024-2 (24) -138 -161 (ВАК)

10. *Шульгина О.М.* А.Л. Горбунков и судьбы чукотско-эскимосского косторезного искусства: опыт предшественников и современные тенденции // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 135—156. DOI: 10.17223/2312461X/47/7 (ВАК, Scopus, WoS)

11. *Давыдов В.Н., Шульгина О.М.* Искусство (не) продавать: темпоральность торговли в селах Чукотки // Сибирские исторические исследования. 2025. № 1. С. 80–98. DOI: 10.17223/2312461X/47/5 (ВАК, Scopus, WoS)

Монография:

12. *Давыдов В.Н., Березницкий С.В., Шульгина О.М.* Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2025. 352 с. (РИНЦ)